Меня тошнит от вида крови, черт бы побрал.

Он никак не мог взять в толк, почему у него такая капризная и странная проблема.

Цинь Мянь подошел ближе, присел перед ним на корточки и, наклонив голову, спросил стоявшего рядом Рыжего:

— Салфетки есть?

Рыжий снял с плеча рюкзак, порылся в нем, достал пачку влажных салфеток и протянул Цинь Мяню:

— Только влажные.

Цинь Мянь взял пачку, вытащил одну салфетку, затем вторую и поднес их к самому носу Хэ Линьнаня.

Легкий запах спирта ударил Хэ Линьнаню в нос. Он попытался поднять руку, чтобы забрать салфетки у Цинь Мяня, но его всё еще мутило, а конечности стали до того ватными, что он несколько раз безуспешно взмахивал рукой, напрочь теряя точность и не попадая куда следует.

В салфетках, должно быть, содержалась мята — от дуновения ветерка повеяло приятной прохладой.

Цинь Мянь действовал очень бережно, но когда спирт коснулся мелких ссадин и царапин на лице, Хэ Линьнань рефлекторно шипел от боли.

Во рту поднялась желчь, оставив после себя горький привкус.

Немного придя в себя, когда головокружение, похожее на перемалывание мозгов в блендере, наконец немного утихло, Хэ Линьнань поднял руку и из последних оставшихся сил изо всех сил хлопнул Цинь Мяня по руке:

— Бац!

Звук шлепка неожиданно гулко разнесся по всему переулку.

Запачканная кровью салфетка упала на землю.

Опустив глаза и не глядя на Цинь Мяня, Хэ Линьнань уперся рукой в стену позади себя, чтобы

найти опору, поднялся, развернулся и пошел дальше.

Шаги раздавались совсем рядом — неотступно, без спешки, примерно в метре позади него.

Остатки самоуважения наконец вспыхнули ярким пламенем. Хэ Линьнань остановился и резко обернулся:

— Тебе чего надо?

Спутник Цинь Мяня, Рыжий, подбежал трусцой и протянул Хэ Линьнаню сумку через плечо:

— Твоя?

Хэ Линьнань взял сумку и увидел, как Цинь Мянь протягивает руку:

— Я еще это подобрал.

В руке у Цинь Мяня был тот самый билет на TAS, который Краб бросил на землю. Его уголки были надорваны, а сам он измазан сырыми пятнами грязи.

Билет, за который он выложил однажды тысячу восемьсот юаней.

Вспыхнувшее самоуважение подожгло нервные окончания, сосуды внутри тела один за другим запульсировали и начали взрываться. Стиснув зубы, он процедил:

— Не моя.

Цинь Мянь посмотрел на информацию на билете, поднял на него глаза:

— Место здесь и вправду не ахти, давай я обменяю тебе на билет в первый ряд, м?

Хэ Линьнань усмехнулся и, вглядываясь в глаза Цинь Мяня, чеканя каждое слово, произнес:

— Э-то. Не. Мо. Ё.

Цинь Мянь посмотрел в сторону развилки, куда ушел Краб, и снова заговорил:

— Те люди избили тебя, не хочешь заявить в полицию? Я пойду с тобой как свидетель.

Хэ Линьнань отмахнулся, ему даже стало немного смешно. Всё происходящее казалось ему каким-то сюрреалистичным: и эта случайная встреча с Цинь Мянем сегодня ночью, и тот телефон, по которому Цинь Мянь неожиданно дозвонился спустя восемь лет.

Да, после смерти его старика Хэ Хэ Линьнань продолжал платить за тот же телефонный номер. И почему же из всех людей именно он принял тот международный звонок от Цинь Мяня?

Да, в следующем месяце Цинь Мянь будет участвовать в соревнованиях в Синьти, так что его появление здесь вполне объяснимо. Но Синьти такой огромный город — с чего бы этому человеку появиться именно в этом глухом тупике и застать его в таком жалком виде?

Всё это были события с ничтожно малой вероятностью, оттого и казались такими ирреальными. Это вызывало у него панику и чувство небезопасности: тому, кто должен существовать лишь в галлюцинациях, лучше бы и оставаться в них, а не выпрыгивать прямо перед глазами.

— Я не буду заявлять в полицию, — произнес Хэ Линьнань. Разговаривать было больно — уголок рта саднило, одна сторона лица распухла сильнее другой. Зеркала под рукой не было, и, опасаясь, что от боли у него скривится рот и перекосит лицо, он намеренно приоткрыл губы поуже и невнятно продолжил: — Мне нужно на работу, будь добр, уступи дорогу.

Цинь Мянь не сдвинулся с места.

Хэ Линьнаню пришлось обойти его стороной и направиться в сторону фотостудии.

Не успел он пройти и нескольких шагов, как Цинь Мянь снова догнал его:

— Оставь контакты. Когда надумаешь заявить в полицию, свяжись со мной, я в любой момент смогу выступить свидетелем.

Хэ Линьнань, только что получивший тумаков, соображал медленно и еще ничего не успел ответить, как увидел, что Цинь Мянь достал телефон и на одном дыхании выпалил:

— Как тебя зовут?

Как тебя зовут.

Хэ Линьнань ошеломленно уставился на Цинь Мяня и искренне рассмеялся.

Он ведь сам сказал Цинь Мяню ты ошибся человеком, вот Цинь Мянь теперь и спрашивает его имя.

Да уж, с тем мальчишкой, что продавал цветы на чайных горах, в плане эмоционального интеллекта не сравнить.

Тогда тот нашел способ заставить туриста раскошелиться и купить у него цветы, а теперь находит способ раскачать и Хэ Линьнаня.

Подумаешь, оставить контакты, это ведь не трудно, верно?

Хэ Линьнань пристально посмотрел на Цинь Мяня, чувствуя, как у него горят глаза — то ли от волнения перед долгожданной встречей спустя столько лет, то ли от недавнего удара кулаком Краба.

— Пожалуй, не надо, — он снова обошел Цинь Мяня. — Пропусти, я спешу на работу.

Глава 3 Эту работу я выполнять не буду

Только что перед ним мелькнула возможность вырваться из горькой пучины, но он ее упустил. Он знал, что после этого упущенного шанса будет горько сожалеть, и если бы небеса дали ему еще один шанс…

То всё равно пришлось бы идти на работу.

Хэ Линьнань выпустил колечко дыма и тихонько погрузился в раздумья посреди клубящейся дымки.

Ему не вырваться из этой пучины, да он и сам не хочет становиться чужой обузой.

В желудке неприятно тянуло, от пары затяжек сделалось только хуже. Он затушил окурок, засунул его в ближайшую урну и повернул к входу в фотостудию.

В студии стояла тишина. Девушка-администратор посмотрела на него сперва испуганным, а затем полным жалости и сочувствия взглядом:

— Братец, как это тебя угораздило?

Хэ Линьнань усмехнулся, собираясь ответить упал, но тут ему захотелось подшутить над девчонкой, и он исправился:

— На улице тренировался сальто крутить.

— А? — девушка широко раскрыла глаза.

Хэ Линьнань заглянул в пустую гримерку и спросил:

— А где клиенты?

— Учитель Ли увел их на съемку в павильон, — ответила она.

Учитель Ли был другим фотографом в студии. Хэ Линьнань опоздал почти на час, и заставлять клиента ждать просто так было нелепо — судя по всему, босс велел кому-то другому подхватить этот заказ.

Хэ Линьнань подхватил сумку, вытащил оттуда флешку, рукавом стер с нее засохшую грязь и положил на стойку администратора:

— Обработанные фотографии, клиент, который снимал фотосессию шестого числа.

Девушка кивнула, взяла карту памяти и убрала ее.

Шлепающие, шаркающие звуки шагов — по одному этому звуку Хэ Линьнань сразу понял, что идет босс. Тот целыми днями таскался в шлепанцах, даже не поднимая ног при ходьбе, волоча их по полу.

Босс с мрачной тучей на лице наконец показался и принялся сверлить Хэ Линьнаня долгим взглядом человека, жаждущего мести из фильма ужасов:

— Компьютер, на котором ты обрабатывал фото, завтра утром вернешь, а я рассчитаю твою зарплату за эти две недели.

Хэ Линьнань на мгновение задумался, сообразив, к чему клонят — его банально выгоняли.

Вообще-то за боссом никаких серьезных грехов не водилось, просто у него была паранойя, будто все мужчины на свете зарились на его жену. Стоило хозяйке перекинуться с Хэ Линьнанем парами слов, как босс тут же брал его на мушку.

Он чувствовал себя обиженным: он ведь и так старался держаться от греха подальше, к тому же жена босса обсуждала с ним исключительно работу, и где тут искать справедливость?

Хэ Линьнань попытался было по старой памяти поуговаривать босса, но, поняв, что смягчить его не выйдет, вернулся в свою крошечную съемную квартирку, отнес обратно компьютер и получил расчет за две недели.

Нужно было снова искать место, чтобы продлить рабочую визу.

Поскребя в затылке, он присел на корточки у входа в съемное жилье и принялся листать записную книжку в телефоне.

Комары назойливо жужжали над ухом. Размахивая телефоном, он попытался их отогнать и только собрался продолжить поиски в контактах, как жужжание возобновилось.

Долго ища источник, он слышал звук, но не видел самого вредителя.

Хэ Линьнань положил телефон на стоявшую рядом низкую табуретку, встал и исполнил комплекс приемов Восемнадцать ладоней управляющих драконом.

На этот раз сбежали не только комары — дедушка из дома напротив, махавший веером, тут же прихватил радиоприемник и ретировался в комнату.

Снова присев на корточки, Хэ Линьнань заметил высветившийся на экране контакт. Это был один хуацяо, бригадир массовки, с которым он раньше несколько раз подрабатывал, но потом тот внезапно оборвал все связи.

Быть массовкой в Синьти — работенка не из легких: на каждом этапе свое урезают — площадка свой процент снимет, посредник отщипнет, бригадир свою долю заберет, и в итоге на руках у актера массовки, кроме сухой порции риса в коробке, почти ничего не остается.

Однако для Хэ Линьнаня сейчас главным приоритетом было продлить визу, так что выбирать не приходилось.

Он нажал на номер бригадира, вызов пошел, и он поднес телефон к уху.

После долгих гудков трубку сняли, на том конце кто-то хмыкнул и спросил:

— Алло, кто это?

Очевидно, его номер у того даже не был сохранен.

— Это Сяо Хэ, Хэ Линьнань, — произнес он. — Вы же брали меня на съемки в прошлом году!

— А, знаю, — голос на том конце мгновенно стал холодным. — Чего надо?

— Тут такое дело, — у него сильно ныл разбитый левый уголок рта, и Хэ Линьнань переложил телефон к другому уху. — Я тут припозднился, вот и думаю, нельзя ли у вас, бригадир, подзаработать на стороне.

На том концецаряла секундная тишина:

— Умоляю тебя, больше не звони мне, ладно? В прошлый раз я поставил тебя играть простого солдата, так ты бросился вперед и зарубил главного героя! Режиссер кричал «стоп», но ты не мог остановиться. В тот день режиссер сказал мне, что за тридцать лет работы в киноиндустрии впервые видит такого массовщика, и если кто-нибудь еще посмеет привести тебя на съемочную площадку, его самого навсегда внесут в черный список! Больше не звони мне!

Раздались короткие гудки — бригадир бросил трубку.

Хэ Линьнань приподнял бровь, невольно задев разбитый рот, и зашипел.

И разве в этом его вина? Он ведь не специально зарубил главного героя — на главном герое была точно такая же форма простого солдата, он просто перепутал. К тому же тот режиссер изъяснялся исключительно на синьтийском диалекте, которого он не понимал, а видя, как режиссер с багровым от ярости лицом орет во всё горло, Хэ Линьнань решил, что тот требует рубануть еще пару раз.

Вздохнув, он опустил глаза и случайно заметил примостившегося на его голени черного комара. Затаив дыхание и сосредоточившись, он молниеносно шлепнул по нему ладонью. Перевернув руку, он увидел раздавленного комара, из которого брызнула капля крови.

Что за бестактные комары пошли, совершенно не соблюдают правила цзянху — кусают человека, пока тот занят серьезными мыслями.

К счастью, такого количества крови было недостаточно, чтобы вызвать у него приступ гемофобии. Отодвинув табуретку к самой стене, он зашел в комнату и направился в ванную мыть руки.

Намыривал до тех пор, пока подушечки пальцев не покрылись морщинками. Закрыв кран, Хэ Линьнань поднял голову.

Зеркало было грязным. Его лицо распухло и покрылось синяками и ссадинами. Повернув голову сначала влево, а затем вправо и убедившись, что нервы не повреждены и рот с глазами не перекосило, он вытер мокрые руки о штаны и вышел из ванной.

Подойдя к изголовью кровати, он присел на корточки и осторожно выдвинул ящик, придерживая его снизу второй рукой. Направляющая планка на дне ящика перекосилась, и если не подпирать, она грозила рухнуть.

http://bllate.org/book/34412/4242624